
Заяц в городе

[Александр ЩЕРБАКОВ](#) - 04 мая 2017

Body

*И зверьё, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.*

Сергей Есенин

*Нас, конечно, печалит возможность исчезновения
созданного Творцом биологического разнообразия,
судьба наших «братьев меньших»...*

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

*Человек обязан защищать права животных независимо
от того, нужны они ему в хозяйстве или нет.*

Академик Дмитрий Лихачёв

Тревогу за обострение отношений с «братьями меньшими» сегодня ощущают многие. Разговор о них необходим. Тем более что нынешний год объявлен Годом экологии, которая предполагает и сбережение животного мира, деятельную защиту его. Мы должны осознать, что он нуждается в этом. И вполне заслуживает истинно братского внимания к себе. Словам академика Лихачёва, вынесенным в эпиграф, предшествовали такие: «Дельфины, киты, слоны, собаки, как теперь уже неопровержимо доказано, мыслящие существа». Думаю, многие согласятся с ними и назовут ещё дюжину «продвинутых» животных и птиц, у которых сами наблюдали проявления «смекалки». Да и за века до нас люди знали и чувствовали это.

Вспомним хотя бы древний миф о льве и беглом рабе Андрокле. Скрываясь в пустыне Африки, он помог страдавшему льву извлечь из лапы огромную колючку. Позднее судьба их свела в римском цирке, куда хозяин отдал пойманного беглеца на растерзание зверям. Но когда обречённого раба вывели на арену, грозный лев, выпущенный на него, вдруг замер перед ним и лизнул в лицо. Он оказался тем самым львом. Тронутая публика

запросила пощады Андроклу. Император даровал ему жизнь и разрешил взять с собою льва. Примечательна концовка мудрой легенды. С той поры, завидев на улицах Рима странную пару, одни говорили: «Вот человек, который спас льва», а другие отвечали: «Вот лев, который спас человека».

Чем-то похожую историю донесли до нас и свидетели жизни нашего святого Сергия Радонежского, который многие годы провёл затворником среди дремучего леса, на берегу реки Кончуры (в нынешнем Подмосковье), где «кругом бродили дикие звери... Однажды ранней весной вышел Сергий на крыльцо и видит – возле крыльца лежит медведь. Не испугался страшного зверя преподобный, вернулся в келью, вынес краюшку хлеба и накормил медведя. Через день зверь снова сидел у крыльца. И опять Сергий поделился с ним своим обедом». С тех пор медведь часто приходил к пустынножителю «в гости» и стал почти ручным, скрашивая его одиночество.

И сегодня, в нашей жизни, немало свидетельств «человечного» поведения животных. Многие слышали о дельфине, который спас пловца, тонувшего у берега Крыма, о кошке Машке из Обнинска, согревшей в коробке младенца, «забытого» мамой на лестничной площадке, о чутких собаках, что помогают очищать от мин селения в Донбассе. В отношениях между собою «мыслящие существа» также подают удивительные примеры дружбы и верности. Не знаю, права ли поговорка, что, мол, гусь свинье не товарищ, но вот в нашем сельском дворе телёнок с поросёнком дружили тесно. Утрами я провожал их за огороды на полянку, где они вместе паслись, а к вечеру возвращались домой. Но однажды боровок явился без друга, нервный, беспокойный. Заметался между мной и воротами. Я выпустил его и пошёл за ним. Однако он повёл меня не на полянку, а в соседний двор брошенного дома и там подбежал, повизгивая, к раскрытому погребу. Из ямы донеслось ответное мычание телёнка...

Недавно один православный батюшка писал в Рунете, что через подобные «сверхприродные» поступки животных Господь призывает нас к отказу от «зверства» и к покаянию. Возможно, и так. Тем более что наши «зверства», увы, множатся, как вольные, так и невольные. Всё ширятся промышленные города и посёлки, чадающие заводами и шахтами, прокладываются железные и асфальтовые дороги, перекрываются реки, вырубаются леса и осушаются болота... И всё урезается «жизненное пространство» для «братьев наших меньших». Сужается их ареал, сокращается и численность. К тому же не редуют, а пополняются ряды «любителей природы» – охотников и рыбаков, орудия убийства и лова у которых становятся всё изощрённее и губительнее.

Но самое страшное – ужесточаются нравы людские, в том числе – по отношению к живой природе. Всё чаще долетают до нас вести о варварских поступках иных дичающих соотечественников. То с острова Врангеля, где повар строительной бригады, подкормив белую медведицу, взял да угостил её взрывпакетом. То из Якутии, где вахтовики «наехали» мощными «Уралами» на бурого медведя, а потом добились его железным прутом. То из Хабаровска, где некие «озверевшие» школьницы (девчонки!) додумались ловить бездомных собак и кошек, забирать сбываемых «в хорошие руки» и затем казнить их мучительной смертью. «Хабаровскими живодёрками» они прозваны в народе, и поделом. Этот уже запредельный случай встревожил многих. И недаром в прессе, в парламенте страны заговорили о необходимости защиты прав животных, о принятии специального кодекса, ибо «всё живое обладает естественными правами». Пожалуй, особо нужен он в наших сибирских краях, где ещё, слава Богу, есть кого защищать в мире копытных, пушных и пернатых, диких и домашних. Все мы ответственны за сохранение этого наследства. О чём я и попытался напомнить в скромных строках, посвящённых живой природе.

Прозрение

Ходил недавно по Амылу,
Реке порожистой, шальной,
Совсем один. И что-то было
Невыразимое со мной.

Среди лесов и гор саянских,
Среди зверей, и птиц, и вод
Был приступ нежности и ласки
Ко всем, кто дышит и живёт.

Ко всем, кто любит и страдает,
И знает слёз горючих соль,
И в голос плачет и рыдает,
Когда испытывает боль.

Паслась косуля на поляне,
Играл козлёнок на траве.
«Они такие же земляне», –
Мысль промелькнула в голове.

Зачем свою гордыню тешим
Постыдной властью над зверьём?
Зачем мы «братьям нашим меньшим»
Житья на свете не даём?

Летел спеша и как-то косо
Журавль-монах по-над рекой.
«Вот вымирающая особь», –
О нём подумал я с тоской

И вдруг прозрел, мне стало ясно:
Поскольку я бездумно жил,
То, значит, тоже к книге Красной

Невольно руку приложил.

Чёрный выстрел

Как смертный грех поныне помню
Убийство первое своё...
Украдкой из кладовки тёмной
Я взял отцовское ружьё
И заскользил по насту тенью
В лога. Как ни был глуп и мал,
Всю злонамеренность затеи
Я превосходно понимал.

И мне едва хватало силы –
Не повернуть лыжонки вспять,
Но следопыты так красиво
Умели в книжках убивать...
Я недотёпа был и книжник,
Благожелательный вполне,
Но оказалось, что и хищник
Дремал до времени во мне.

На вербе я увидел дятла.
Багряно-бело-чёрный, он
Телеграфировал куда-то,
Да так, что шёл по лесу звон.
Двустволку вскинул я – и дятел
Замолк. И камнем рухнул вдруг.
Как пёс, что в горнице нагадил,
Я озираться стал вокруг.

Потом, дрожа, прокрался к жертве
Через валежины в снегу...
Раскрытый клюв и хрип предсмертный
Забыть доныне не могу.

Заяц в городе

Мы в пригород въезжали ночью тёмной.
И вот среди столбов, складов, траншей
Он появился, как щенок бездомный,
С наивным бантом вздыбленных ушей.

По снеговой полоске, грязно-серой,
Неловко припадая, он бежал
(Куда, зачем, не ведая, наверно),
И сам был сер и грязен. И дрожал.

Звенели электрические сети.
Шёл с рёвом на посадку самолёт.
И вдруг таким чужим на этом свете
Мне показался заячий народ.

«Притормози!» – я попросил шофёра
И вырубил щелчком слепящий свет.
Упала мгла... Лишь в небе над опорой
Светились звёзды, точно зайца след.

Косуля

Ружьё зарядили мы пулей –
И выстрел долину потряс.
И, вздрогнув всем телом, косуля
Со страхом взглянула на нас.

Подпрыгнула недоуменно
И рухнула в алый кипрей,
Забилла ногами со стоном,
Косясь на двуногих зверей...

В смолу нас кипящую надо,
Коль мы забываем подчас
Укор того влажного взгляда
Больших фиолетовых глаз.

Стон горлицы

Сто лет прошло, а помнится:
С утра замкнув избу,
Я шёл туда, где горлицы
Поют «фу-бу», «фу-бу».

Весеннего томления
Был полон лес и дол.
Пронзая листья тленные,
Прострел повсюду цвёл.

Шёл тропкой воровато я
На горлицу взглянуть –
Головку сизоватую
И розовую грудь...

Недавно был у пахарей
И завернул в борок:
Ни клинтухов, ни вяхирей,
Ни горлиц, ни сорок...

А мне всё снится горница,
Окно открыто в май,
И где-то стонет горлица –
Одна на отчий край.

Оляпка

В тайге, заснежённой и сонной,
Я встретился с быстрым ручьём.
Смолисто блестел он на солнце
И птичка барахталась в нём.

«Мороз ведь, не мёрзнут ли лапки?» –
Спросил с удивлением я.
«Ничуть!» – пропищала оляпка
И юркнула в струи ручья.

А вынырнув, крикнула снова:
«Ничуть! – и тряхнула крылом...
Тем утром февральским, суровым
К весне начался перелом.

Пеночка

Где наше, о люди, величье?
Большие сомнения в нём,
Коль пеночка, малая птичка,
И та нам – Ньютонов бином.

Представьте: от нас, с Енисея,
И к Нилу, за тысячи вёрст,
Полёт ей порою осенней
Посилен вполне, коль не прост.

Да что с Енисея – с Камчатки,
Не слышима и не видна,
Летает в Египет иль в Чад ли
С таким же успехом она.

Погреется там, а весною
(Возможно, по компасу звёзд)
Она добирается снова
До нас, до родительских гнёзд.

Вернуться в родные пенаты
Душа её птичья зовёт...
Какой же ещё навигатор
В пернатом комочке живёт?

Фламинго

От пламени – имя Фламинго.
Мне редкая птица сия
Знакома не только по книгам –
По встрече в предгорьях Саян.

Однажды её на Амыле,
Когда мы по этой реке
В верховья с таёжником плыли,
Увидел я невдалеке.

Окрас её розово-алый,
Клюв, загнутый буквою «гэ»...
Она неподвижно стояла
В заливе на длинной ноге.

Потом заплескала крылами,
Разбег с гоготаньем взяла,
Стремительно взмыла над нами,
Сияюще снизу бела,

И, вытянув ноги и шею,
Вразмах улетела за лес,
Как некий небесный пришелец,
Похожий на огненный крест.

В снегирином краю

Мы живём в снегирином краю,
Где в снегах стынут сосны и ели,
Ну, а всё-таки птицы поют,
Несмотря на мороз и метели.

Улетают вьюрок и удод,
Злата иволга и иже с нею...
Но снегирь, как несорванный плод,
И зимою на ветке краснеет.

Наш воробушек – не соловей,
И сороки петь не мастерицы,
Но как дивно звенит из ветвей
Эта малая алая птица.

Я подслушал на зимней заре,
На студёном багряном восходе,
Что и даже полёт снегирей
Полон тонких волшебных мелодий.

Нет, не зря нам при встречах снегирь
Каждый раз представляется чудом,
И поэты рифмуют Сибирь
С этой птахою пламенногрудой.

Марал

В Туву направились мы рано,
Покинув сонный Арадан.
Стоял туман. И тень марала
Я вдруг увидел сквозь туман.

Я допускал, что был совхозным
Верхнеусинский тот марал,
Но вздрогнул всё ж, когда он грозно
Тряхнув рогами, заорал.

Был фантастичен облик зверя
В туманно-белой пелене,
И я себе почти не верил,
Что вижу это не во сне.

Катилось эхо по распадку
Вверх по невидимой реке.
А мне кольнуло под лопатку
От чувства, близкого к тоске.

В трубе серебряной и медной
Я в ноту тайную проник
И услышал не клик победный,
Скорей – отчаяния крик.

Когда марал замолк, устало

Склонив к земле свои рога,
Я понял, что он с перевала
Звал на рассвете не врага,

Он звал друзей в преддверье дня.
И, может, даже звал меня...

Волк

Голодный, с тощими боками,
Загнув под брюхо крюк хвоста,
Он шёл полями и логами
И замер чутко у куста.

Попрял ушами, стал упругим –
Ни звука слух не уловил.
Плыла луна в морозном круге,
Волк поднял морду и завыл.

Ему припомнились иные
Пути под зимнею луной.
Хлевы, волнуяще парные,
И лай дворняжек заливной.

Через плетни, через заплоты –
Встают картины, как во сне, –
Он возвращается с охоты
С овцой покорной на спине...

Но кровь медлительная стынет,
Шагай, не стой, ночь холодна.
Кружи завьюженной пустыней,
Один, как по небу луна.

Тебя покинувшая стая
Ушла за новым вожаком...
Седому волку горько стало,
Он сник, вздохнувши глубоко.

Пусть постарел и обезножел,
Однако в чём его вина
И кто теперь ему поможет,
Скажи, полночная луна?

Муравьи

Был муравейник у лесной тропинки
Как полушарье и кишмя кишел.
Я вспомнил детство – полюбил травинку
И бросил прямо в массы мурашей.

Чтоб кислоты отведать муравьиной,
Я, не смущаясь, переполошил
Поджарых работяг семьи невинной
Иль рода их, что в этой кочке жил.

О, как они, наверно, завопили:
«Метеорит! Загадка дня, братва!»
И для начала стебель окропили,
Чтоб выявить природу вещества.

Когда же я извлёк его и сдунул
Ретивых аналитиков в траву,
Род муравьиный что тогда подумал
О вознесённых в небо наяву?

Я, уходя, не предал разоренью
Всего, что сотворил их брат мураш,
Поскольку, с муравьиной кочки зренья,
Их мир, должно быть, вечен...
Как и наш.

Стрекоза

Исхудала веретёшка,
Голубая стрекоза.
В животе, видать, ни крошки,
На лице – одни глаза.

Летний полдень душный, жаркий,
Но она полна хлопот:
То к полынке, то к татарке
На мгновенье припадёт.

А отпрянув, мчится снова,
Сухо крыльями шурша,
Иль к цветку болиголова,

Иль к метёлке камыша.

Ищет пищу? Но похоже –
Просто носится весь день,
Наслаждаясь миром Божьим,
Ловит собственную тень.

Царю природы

Опомнись и раскрой глаза,
Разумный человеке.
Какой дурак тебе сказал,
Что мир подлунный вечен?

Тут превратилась в пыль гора,
Там испарилось море,
Вверху озонная дыра
Зияет всем на горе.

Не стоит выть по волосам,
Когда башки лишишься,
Но виноват во всём ты сам –
И в синяках, и в шишках.

Зачем был так жестокосерд:
Лес изрубил в капусту,
И нефть всю высосал из недр,
И уголь выгреб – пусто?

Перестрелял зверьё и птиц,
Поотравил все воды...
Не от стыда ль раскрыть зениц
Боишься, «царь природы»?

Бог дал тебе одни права –
Сберечь и приумножить.
Твоя недаром голова
На шар земной похожа.

Пегашка

Подо мною пегий мерин, –
Копны к стогу я вожу,
Между «африк» и «америк»,
Как на глобусе, сижу.

Стогоправы, кашевары,
Сеномётчики, косцы,
Волокушников орава –
Звон летит во все концы.

Сенокосный день погожий,
Каждый рад такому дню.

Я стихи о нём попозже
Непрененно сочиню.

Будут там наш луг и пашня,
Лес – докуда видит глаз,
И мой конь, живой Пегашка,
Не какой-нибудь Пегас.

Снятся лошади

Что-то стали сниться лошади.
То промчатся через луг,
То – по городу, по площади,
Не щадя цветочных клумб.

Губы вытянув буланные,
Они в ухо дышат мне.
И в кошёвки, и рыдваны я
Запрягаю их во сне.

Иль в седле гарцую конником...
А проснусь – бросает в дрожь:
По написаному соннику,
Видеть лошадь – встретить ложь.
Что-то часто снятся лошади...

Равнение на лошадей

Я скажу вам, друзья, по секрету:
Не хотел бы обидеть людей,
Но среди населенья планеты
Я всех больше люблю... лошадей.

И не столько за шеи лебяжьи

И за гривы шелковые их,
Не за этот стремительный даже
Бег летящий, похожий на вихрь,

Сколько – за вековое терпенье,
Испытуемое хомутом.
Нам такое бы в нашем корпенье
Над листом – над целинным пластом.

И тогда бы читатель наш строгий,
Что добра не мешает со злом,
Не менял бы нас на полдороге,
Почитая достойным тяглом.

Корова

Вдоль деревни шла корова
И ревела – прямо жуть.
То ль была корова – рёва,
То ль обидел кто-нибудь.

Спотыкаясь, шла, спешила
По проезжей полосе,
Даже встречные машины
Уступали ей шоссе.

Люди думали-гадали
И прикидывали вслух:
Мол, товарки пободали
Иль кнутом хлестнул пастух.

Но один малец-всезнайка
Рубанул на то сплеча:
– Да она кричит хозяйке:
«Молоко несу, встречай!»
А кричит издалека –
Значит, много молока.

Плач по Борзе

Мышастый старый Борзя,
Пусть не был ты борзым,
Но смелым был и бОрзым.
И никогда – не злым.

Обычная дворняга,
Лохмат и вислоух,
Ты чуток был на тяге.
И в конуре – не глух.

В полях и косогорах
Отыскивая след,
Ты был орлино зорок.
И во дворе – не слеп.

Бывая не накормлен,
Скуля, не полз к ногам.
Всегда и горд, и скромн,
Но никогда – не хам.

Ты пустолаем не был,
А коль бывал без сил,
Поднявши морду в небо,
По-бабьи голосил.

Забыли все про кражи,
Пока ты службу нёс,
Четвероногий стражник,
Друг, преданный как пёс.

Ты умер у завозни.
Я окропил слезой
Тебя, мой борзый Борзя,
Хотя и не борзой...

Собачата

Нынче живо припомнил наш дом я,
Весь – до юрких цыплят во дворе,
Журавля над колодцем бездонным,
И собак, и щенят в конуре...

Да, ведь были ещё собачата.
Как же я собачат подзабыл,
Коли в детстве душой непочатой
Больше их никого не любил?

Чёрных, белых, мышастых, муругих
Из высокой породы дворняг.
Где ж теперь вы, ушастые други,
Не забыли ли т а м про меня?

Я вот вспомнил вас... И на том свете

Был бы рад, если встретимся вновь,
С вами сам в конуре у подклети
Жить-дружить до скончанья веков.

[Александр ЩЕРБАКОВ](#) - 04 мая 2017

<http://webkamerton.ru/2017/05/zaac-v-gorode>